

догадывается, а по измененному шуму двигателя. Зато человек, с комфортом сидящий в шезлонге на террасе своей дачи и не слушавший сегодня утром радио, не догадывается по незнакомому шуму, ибо он сам работает на радио и сам готовил вчера утреннюю программу, а сегодня у него выходной.

- Давай посмотрим по базовой карте, - сказал я.

- Ну, давай посмотрим, - снова снисходительно, небрежными тычками ногтей он вызвал базовую карту. Одна за другой начали выплывать вершины из голубоватой мглы, оцетиненные энергетическими коронами.

- Видишь: SERAP, - сказал он, и тут впервые в его голосе замаялась маленькая складка. - Ну, SERAP - это еще не золото, - тут же ускользнул он. - Будешь рисковать?

- Да.
- Глупо: не пройдет медиал-шток.
- Посмотрим.

- А если повиснешь? - спросил он весело. - Провисишь до завтра?

- Нет, зачем? Тогда - статистику и бабки.
- Ну давай. Твое дело.
- Конечно, мое.
- Ну, давай...
- Давай.

- Прости пожалуйста, а он уже закончил тогда докторантуру?

- Нет, это было за год до окончания.
- Но Сильвия тогда уже не жила с ним?
- Чего не знаю, того не знаю.

- Я, видишь ли, почему спрашиваю. Я познакомился с Сильвией позднее, в 86-м. Это была особа уже серьезно больная. Просто бешеная в области некоторых видов спорта, - ты понимаешь. О нем же она не могла говорить без ярости: просто зверела и начинала ругаться такими словами, которых я и повторить тебе не могу.

- А почему у вас заходила речь о нем?
- Ну - как? А почему у нас с тобой зашла?
- Вот этот бутерброд с креветками еще свежий: он с утра лежал в холодильнике. Съешь его.

- Не хочу...
- Съешь, съешь.
- И что будет? Ты не намазал на него яду?
- Какой смысл задавать подобные вопросы?

Допустим, я отвечу тебе "нет".
- Так нет или да?
- Чего ты пристал? Ешь. Я не знаю. Какие-то были. Вот и проверим.

- С тобой трудно разговаривать...
- Да. И вот он мне говорит: "ну, видишь, не все так просто, как ты думал", - а сам бледный, как мертвец, и пот течет со лба на щеки, на нос - он даже не замечает. Руки трясутся. Включает свой электрический чайник. "Ну ладно", - говорит, - "давай теперь кофе попьем".
- "Давай", - говорю, - "заваривай. Два часа ночи. Все равно я теперь не засну". - "Вот и ладно", - говорит, - "попьем кофейку, посидим, обсудим ситуацию. Видишь, мосты-то у тебя все же остались".
- А остались мосты?

- Совсем мало: восемь простых и два изотропных. Ты понимаешь, было бы все чисто, но после перегруппировки ко мне в фигуру вошли Фома и Лорес - по одной. Ну, с Лоресом я бы договорился, он все равно ни на что не мог претендовать: рейтинг 380...

- Это после года?
- Да, почти: триста пятьдесят второй день.
- А через кого изотропы?
- Через него же. Причем, на Фому - ни одного.
- Н-да... не гладко...
- Ладно, чего говорить. Дело прошлое.

ГЕОРГИЙ ЛУКА И ЕГО ВОСЕМЬ АНАТЭМАТИЗМОВ

Несколько лет назад, разбирая бумаги покойного Петра Евгеньевича Шмарина, мало кому известного богослова и знатока церковных древностей, я нашел небольшую рукопись, написанную его почерком и озаглавленную: "Перевод анатэматизмов Георгия Луки". После этого я смотрел во многих словарях и энциклопедиях, но никаких сведений о Георгии Луке мне добыть не удалось. Более того, мне даже не удалось выяснить, с какого языка был сделан перевод. Теперь, когда, по-видимому, стало можно печатать все что угодно, я публикую эти анатэматизмы, чтобы кто-нибудь сказал мне, что это такое.

1. Кто творит славословие как сочетание божественных имен с целями, постигаемыми разумом, на которые, по предположению и правилу, он молчаливо предписывает действовать в обратном направлении силе божественного имени, а следовательно, творит славословие не прямо обращенное, а только включающее свидетельство, подобно тому как если бы торговец, пожелавший купить вещь у другого, давал бы ему узаконенную меру золота с надписью и именем царя и говорил бы ему: "продай мне эту вещь, ибо я подданный такого-то царя, славного в народах!" - анатэма.

2. Кто сотворил славословие, замкнутое в терминах, но приносит его жестом, который божественные имена приводит во внешнее сочетание с целями, постигаемыми разумом, с тем чтобы на них, вне обязательных установленных правил, но как бы впервые и тайственно воздействовала в обратном направлении сила божественного имени, подобно тому, как если бы тот же торговец протягивал другому неизвестную меру золота с надписью на непонятном языке и, указывая при этом на желаемую им вещь, произносил бы: "да прославится царь мой во всех народах!" - анатэма.

3. Кто творит славословие в терминах разума, но замыкает его таким способом, чтобы оставались допустимыми сочетания божественных имен с целями, не постигаемыми разумом, но представляющими собой конечные образы душевных устремлений, которые, по его предположению, могут быть прояснены и даны в умоглядной форме силою божественного имени, подобно тому, как если бы некий торговец, отдыхая в тени благодатного оазиса, с неохотой и тяготой думал о трудном и полном опасностей

пути, который он непременно должен продолжить, и, бросая в источник меру золота с надписью и именем царя и восклицая: "да прославится царь мой!", имел бы в сердце своем тень скорби, которая очертаниями своими неопределенно сроднилась бы с такою мольбой: "о, как не хочется мне покидать это место! О, если уж я должен идти в путь, то как желал бы я снова когда-нибудь вернуться сюда! Но если не суждено глазам моим увидеть вновь этот благословенный источник, то пусть некогда другой пучик, изнуренный зноем дороги, придет сюда и, прикинув к прозрачной, невозмутимой влаге, заметит вдруг блеск золота на дне, и глаза его прочитают имя моего царя, славного в народах!", - анатэма.

4. Кто сотворил славословие и исключил из него все связи и сочетания божественных имен с целями, постигаемыми разумом, а также отсек и все возможности внешнего сочетания божественных имен с любыми целями, будь то выраженные в терминах разума или смутно предстоящие в образах конечных душевных состояний и устремлений, но при этом оставил жест молчаливого предположения о том, что божественные имена неким обязательным способом вступают в повелительные отношения к тем или другим целям и преображают их к виду, пусть и неизвестному заранее, но безусловно принимаемому духом, который желает самого преображения, подобно тому, как если бы путешествующий торговец приблизился к реке, текущей в пустынной местности, и, не найдя переправы через нее и стоя на ее берегу, бросил в воду меру золота с надписью и именем царя и с веселием воскликнул: "да прославится царь мой!", при этом думая как о чем-то постороннем: "конечно, я не знаю этой местности и не знаю в точности, куда мне нужно идти, но если эта река сейчас передо мной пересохнет, то я буду знать, что мне следует идти прямо", - анатэма.

5. Кто сотворил славословие, замкнутое и непроницаемое в терминах, и приносит его жестом, который никак не может быть опознан и воспроизведен, ибо не находится в связи с какими-либо образами и представлениями, но случаен, подобно тому, как если бы некто, отправляясь в чужую страну и думая о том, что ему настанет там нужда есть и пить, собрал бы все свое золото, отмеренное и помеченное именем его царя, и обменял бы его на другое золото, равной меры, но помеченное именем царя той страны, а после, по прибытии в ту страну, человек этот вышел бы на берег моря и начертал имя своего царя посохом на волнах, предполагая, что волны прославят его царя, разнося имя его во все концы вселенной, - анатэма.

6. Кто творит славословие не замкнутое и не способами разума, но образами, не объяснимыми в терминах, и при этом допускает возможность ставить божественные образы в сочетании, пусть повелительные, с какими-либо тенями душевных состояний и устремлений, предполагая их желательное изменение или прояснение под воздействием силы божественного образа, подобно тому, как если бы некто, увидев прекрасный цветок, наклонился и стал бы нюхать его, - анатэма.

7. Кто составил славословие, не руководствуясь исключительными правилами разума, и полностью изолированное, даже в предположении, от сочетаний с различными целями, будут ли они определены или будут подлежать преображению в терминах или образах, но при этом приносит свое славословие жестом, без нужды усиленным в направлении отвержения этих самых целей, которые, таким образом, показываются тут же стоящими рядом и ожидающими неких воздействий, подобно тому, как если бы кто-нибудь сначала взглянул на прекрасный цветок и зажал нос, чтобы не ощутить его запаха, а после нагнулся бы и, закрыв глаза, чтобы не видеть, понюхал, - анатэма.

8. Кто сотворил славословие из образов, не постигаемых разумом, и полностью замкнутое в чистоте уединения, и для его принесения избрал жест вполне безразличный, который невозможно отнести к любым узнаваемым или предполагаемым смыслам или целям, подобно тому, как если бы один человек показал другому изображение прекрасного цветка и сказал: "я думаю, что он лишен запаха", - анатэма.

Ю.Евлампов. Увиденное (12 листов), лист 8. 1993. Черно-белая фотография. 18x24 см